

Тати Блэк
Полина Рей

Босс по обмену

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тати Блэк
Босс по обмену

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Блэк Т.

Босс по обмену / Т. Блэк — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Выпивая в баре с заклятым другом, следи за количеством принятого на грудь спиртного. А если не уследил - никогда не соглашайся на авантюру поменяться с ним рабочими местами. А если всё же согласился - смирись. Не так уж и плоха должность начальника отдела продвижения, особенно если в комплекте с ней идёт негласная борьба с начальницей соседнего отдела... В любом случае продвигать тазики для бань вдвоём будет гораздо веселее! Изображение на обложке взято с Shutterstock. Содержит нецензурную брань.

© Блэк Т., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

В голове Шаталова Владислава стучал дятел. А может, сразу два или даже три. Стук раздавался то в одном виске, то в другом. Потом в затылке, следом – снова в висках.

Б*яаяя!

Влад повернулся набок, но это не помогло. Вдобавок в рот насыпали песка, имитируя мини-пустыню Сахару, в которой последний дождь прошёл пару веков назад. И никакой надежды на благословенный оазис.

Шаталов всё же нашёл в себе силы и приоткрыл один глаз, жмурясь от яркого света, льющегося в в одно-единственное, не слишком широкое окно.

Б*яая дважды... Его взгляд упёрся в цветастый ковёр на полу, метнулся на стену напротив, которая была слишком уж близко, и закрылся вновь.

Просыпался в незнакомых местах Влад редко, но метко. И видимо, именно в этот раз угодил прямо в яблочко. А главное – почти никаких воспоминаний о том, что было вчера. Или позавчера – неважно. Важно было понять, что именно предшествовало тому, что он оказался в убогой квартирке, где попытка прикрыть нищету коврами соседствовала с крошечными размерами комнаты и полным отсутствием вкуса.

Шаталов перевернулся на спину, положил руку на глаза и, сбиваясь пару раз, мысленно досчитал до десяти. В голове понемногу начинали всплывать обрывки воспоминаний. Вот они со Степаном Муринским сидят в баре, вот разговор переходит с блондинок и брюнеток на обсуждение работы. И виски рекой, и из закуски только лёд, который так и остаётся на дне бокалов. А потом – пустота. Вообще ничего. И где он очнулся, тоже остаётся «за кадром». А может, это вообще похищение? И теперь его будут держать в этой халупе, пока не получат требуемый выкуп?

Влад всё же нашёл в себе силы, сел на постели и огляделся. Комната с коврами никуда не исчезла – только закружилась пятнистым хороводом. Пришлось зажмурить глаза, чтобы не стошнило прямо на пол. Сотовый обнаружился лежащим на тумбочке возле кровати – это удалось понять, когда Влад все же распахнул глаза, борясь с приступом тошноты. Схватив телефон, он набрал на нём первые всплывшие в памяти цифры. Набранный номер оказался принадлежащим Степану Муринскому – его давешнему собутыльнику, который мог пролить хоть немного света на происходящее.

– Алло, – хрипло ответили на том конце на десятый гудок, когда Влад уже отчаялся и решил положить трубку. – Кто это?

– Стёп, это Шаталов. Вопрос первый: где я? Вопрос второй: ты жив? – выдохнул в трубку Влад, сжимая переносицу кончиками пальцев.

– А, Влад, – донеслось из трубки. – Я так и знал, что ты позвонишь рано или поздно. Очнулся?

– Есть такое дело. И все же, где я?

– А ты ничего не помнишь? – задал вопрос Муринский, и Владу стало окончательно нехорошо.

– Ни черта. Белый лист.

– Ясно, я так и думал что наша авантюра не сработает.

– Какая авантюра? – вновь с опаской уточнил Влад, строя в голове самые худшие предположения.

– А мы вчера поспорили в баре, что ты сможешь продержаться на моей должности месяц.

– Мля, только не говори, что я в Рязани, – простонал Шаталов.

– В Рязани. В моей съемной квартире.

Влад начал цепляться за обрывки воспоминаний, пролетающие перед мысленным взором разноцветном калейдоскопом, от которого затошнило ещё больше. Вот он опрокидывает в рот очередную порцию виски, и перед глазами все плывёт. А вот Муринский как назло начинает

подбивать его на какое-нибудь безумство. Как будто знает, что Влад в таком состоянии способен если не на все, то почти на всё.

– И на что мы замазались?

– На твою новую тачку.

– Интересно, что тогда поставил ты? – не без издёвки в голосе уточнил Влад, памятуя о том, что если и было у Муринского средство передвижения, то какой-нибудь старенький мопед, не больше.

– Дедовы часы старые, – по голосу Муринского было понятно, что он не в восторге от лота, который поставил на кон.

– Ну часы можешь оставить себе, даже если я просру все к чертям собачьим, – смиловившись Влад, силясь понять, что именно ему не даёт покоя. Кажется, то ли сон какой-то, то ли видение. – Слушай, ты не в курсе... мне баба какая-то приснилась... Это же не просто так?

– Наверное, непросто. Мы обсуждали вчера одну стерву из соседнего отдела. Ты ещё грозился её перевоспитать за неделю.

– Ага, вот мне и снилось как я её... перевоспитываю, – усмехнулся Шаталов, но тут же поморщился – в висках пульсировала противная боль.

– Так что, наше пари в силе? – с сомнением в голосе уточнил Степан.

– Ещё как в силе, – мрачно ответил Влад, уже предчувствуя, что вся эта затея добром не кончится. – Только скажи мне, есть ли у тебя душ и где лежит аспирин?

Получив краткие инструкции относительно содержания съемной квартиры и занимаемой должности начальника продвижения фирмы «Тазикoff», которые тут же забыл, Шаталов отключил связь и отправился на поиски душа и аптечки. Наверное, в тот момент ему стоило послать все на хрен, найти возможность уехать отсюда, – ведь добрался же он как-то до Рязани посреди ночи – и вернуться в Москву. Но он почему-то этого не сделал.

После душа легчало лишь отчасти. Найденный в крохотной кухне аспирин от мигрени не избавил. Зато при Владе оказался бумажник, в котором лежало несколько золотых кредиток и ноль налички. Та самая крутая тачка, на которую он поспорил с Муринским, нашлась стоящей возле подъезда старенькой хрущевки. Значит у него хватило мозгов – или скорее безбашенности – сесть за руль в таком виде, что он лишь чудом не убрался в какой-нибудь столб по дороге. Выходило всё как-то кисло – вчера настолько упился, что не помнил почти ничего. С другой стороны, все было не так уж и плохо – он жив-здоров, руки-ноги целы, а месяц пролетит как один день. За это время ему нужно будет выдержать работу на должности начальника отдела продвижения, перевоспитать какую-то бойкую девицу и вернуться в Москву победителем. В общем и целом, план Шаталову нравился и не вызывал у него особых трудностей. По крайней мере, мысленно.

Добраться по продиктованному Муринским адресу удалось минут через двадцать. Офис Степана находился в двухэтажном кирпичном здании, которое не видело ремонта со времён советского периода. Да и сам Влад не видел подобных домишек, наверное, с того же самого времени. Выйдя из машины, он засунул руки в карманы джинсов, придиричиво осматривая место своей будущей работы. Уверенность в том, что продержится на этой должности целый месяц, таяла подобно снегу, попавшему под палящие лучи солнца. Интересно, как сам Степан потом объяснит, что его замещал на протяжении тридцати дней какой-то совершенно левый мужик? Нет, у Шаталова были все навыки в подобном деле, и пока он добирался до офиса, успел накидать в голове несколько рекламных кампаний, чтобы продвинуть на рынке продукцию, выпускаемую местным заводом. Но что делать теперь, когда почти завалился на рабочее место Муринского, предположений не было.

Решив, что будет действовать по обстоятельствам, Шаталов толкнул перед собой хлипенькую металлическую дверь, и через мгновение его окутал запах лапши быстрого пригот-

ления, растворимого кофе и чего-то травяного, будто вязанки растений каких-то по стенам развешаны были.

– Всем добрый день, – улыбаясь во все тридцать два, бодро проговорил Влад, оказываясь в небольшом коридоре, из которого в разные стороны выходило сразу три двери, распахнутых настежь. – Прошу любить и не жаловаться – Владислав Николаевич Шаталов, временно исполняющий обязанности царя. То есть – Муринского Степана Леонидовича.

На него уставились три пары глаз – две великовозрастные «девушки» пили чай в соседней комнатухе, третья сидела над кипой бумаг, задумчиво потирая лоб. И вот она-то, как смел надеяться Шаталов, и была кандидаткой на перевоспитание.

– Я с вами всего на месяц, потому, девочки, кто угостит меня кофе, пока я ещё жив?

Маршрутку тряхнуло раз, потом другой.

Сцепив зубы, Карина мужественно хваталась что есть сил за поручень, и, чтобы не упасть, выгибалась в столь немыслимые позы, каким мог бы позавидовать любой маститый акробат и какие достигаются только благодаря регулярным ежеутренним поездкам в российских автобусах по российским же дорогам. Но едва успела она перевести дух после двух крутых виражей, как следом за ними подоспел и третий, и Карина вдруг обнаружила, что уже не столько висит в воздухе, сколько лежит на стоящем рядом мужчине, который, похоже, этому обстоятельству был только рад.

– Ты мне тоже нравишься, – улыбнулся он, смешно пошевелив пушистыми усами на зависть Якубовичу, и на нее резко пахнуло дешёвым табаком и перегаром.

Вот она – ее жизнь во всей красе. Дребезжащая маршрутка, деревенские ловеласы и блатные песни из водительского радио. Чудом не поморщившись от амбре, которым одарил ее сосед, Карина выпрямилась и мысленно прокляла все на свете. Маршрутку, водителя, раздолбанную дорогу, фирму по продаже тазов, в которой работала, и заодно Муринского – начальника отдела маркетинга этой самой фирмы. Последнего – по большей части из глубоко укоренившейся привычки.

Каждое буднее утро казалось Карине сущей пыткой. Мало того, что ехать на работу приходилось довольно продолжительное время, потому что маршрут этого несчастного транспорта строили, похоже, по принципу бюджетной экскурсии по всем рязанским сёлам, так еще и от мысли в очередной раз схлестнуться с Муринским мгновенно портилось настроение. А не схлестнуться с ним у нее не было ни малейшего шанса, потому что война между их отделами велась давняя и упорная и включала в себя каждодневные баталии. В общем-то, в рабочем расписании Карины негласный пункт «поцапаться с Муринским» занимал далеко не последнее место по значимости и выполнялся с завидной регулярностью.

А что было делать, если этот так называемый маркетолог почти ничего полезного фирме не приносил, да ещё и многое из того, что являлось непосредственными обязанностями его отдела, падало в итоге на ее отдел? А ее добросердечные подчинённые Любовь Михайловна и Таисия Антоновна, как на грех, уже достигли того прекрасного возраста, что за хоть какое-то мужское внимание готовы были на трудовые подвиги, чем Муринский беззастенчиво и пользовался, вследствие чего она, в свою очередь, столь же беззастенчиво высказывала ему все, что думает на его счёт. Потому что Карина Ангелова терпеть не могла халатности в работе да и вообще несправедливости как таковой. Если бы только в их глуши было побольше хороших специалистов, Муринский никогда в жизни не дослужился бы до должности начальника отдела. Пусть даже по продвижению чертовых банных тазиков.

Но, увы, все разумные люди стремились устроиться на работу вовсе не в селе Заборье, а хотя бы в самой Рязани. Или вовсе уехать в Москву. Когда-то она тоже мечтала перебраться в столицу и совершенно не думала, что однажды станет продавать какие-то дурацкие тазы и сидеть в так называемом офисе, больше похожем на конуру. Наивно воображала, что сможет сделать отличную карьеру в крупной компании, а годам к тридцати завести семью... Как же это

все было давно. Тысячу и одно разочарование назад. До того, как жизнь внесла собственные коррективы, после которых следовало радоваться, что имеешь хоть какую-то работу, и что самое важное – относительно недалеко от дома.

Маршрутку снова тряхнуло, отчего мысли Карины мигом вернулись из невеселых воспоминаний к столь же безрадостной реальности. Не удержавшись на месте, она неловко покачнулась, оступилась, и, чудом не упав, успела снова ухватиться за поручень. Но в следующее мгновение обнаружила сразу два неприятных последствия очередного акробатического этюда: первое – она сломала ноготь. Уже одно это способно было вызвать досаду, потому что весь маникюр, над которым корпела накануне вечером, пошел насмарку. Второе – она сломала каблук на любимых сапогах. И это уже был контрольный выстрел. А ведь сто раз себе говорила, что нужно оставить глупое тщеславие и для этого транспорта и этих дорог выбрать обувь попроще, на прочной толстой подошве, которая единственная годилась для того, чтобы месить собой деревенскую грязь. Но вместо этого Карина упорно носила шпильки. Хваталась за них как за последнюю ниточку, что связывала ее с той, прошлой Кариной, которой была когда-то. Все казалось, что если уступит прагматизму и станет одеваться как проще и как удобнее – потеряет себя окончательно. Превратится в какую-то деревенскую бабу и перестанет после этого сама себя уважать.

Да и в конце концов, если она опустится до подобного уровня, то на кого тогда будет жадно глазеть Муринский? Должна же быть у парня хоть какая-то радость в жизни.

Усмехнувшись своим мыслям, Карина в очередной раз выпрямилась и, посмотрев в окно, обнаружила, что ей пора выходить. Прокönyвляя к выходу, со всем возможным в ее положении достоинством она вылезла из маршрутки и, сделав глубокий вдох, направилась через поле туда, где сизым дымком, выбрасываемым из труб в безрадостное осеннее небо, напоминал о своем существовании местный завод по изготовлению банных тазиков – гордость всея села Заборье.

Поднимаясь по неосвещенной лестнице в ненавистный офис – небольшую комнату с обшарпанными обоями – Карина надеялась, что Муринского ещё нет на месте и она успеет переобуться в туфли до его прихода. Ее неловкий вид на одном каблуке стал бы для него слишком большим подарком и благодатной темой для шуток как минимум до конца недели, а давать своему сопернику подобную фору она совершенно не желала.

К ее облегчению, Степана действительно ещё не было. Не появился он в офисе ни к девяти, ни к десяти утра. И лишь в одиннадцать с чем-то входная дверь наконец распахнулась, но, когда Карина подняла голову от бумаг, чтобы отпустить какой-нибудь едкий комментарий, обнаружила, что к ним заявился незнакомец. Причем очень наглый незнакомец, который утверждал, что теперь он здесь за царя и требовал себе кофе. Пригвоздив взглядом к месту Любовь Михайловну и Таисию Антоновну, которые, кажется, уже рады были услужить этому невесте откуда взявшемуся наглецу, Карина встала из-за стола, подошла к незваному гостю ближе и красноречиво взглянула на часы.

– Вы правы – уже день. Но добрым он будет не для всех. Это первое. Второе – у нас здесь не ресторан и даже не кафе, если вы вдруг не заметили, поэтому никакого кофе вам никто подавать не станет. И третье – кто вы вообще такой? Что друг Муринского я вижу и так. – Она нарочито оглядела его с головы до пят и усмехнулась самым кончиком губ. – А где же сам... царь маркетинга? Дайте угадаю... прячется за дверью? – Карина прошла мимо Шаталова и выглянула в коридор, но там было совершенно пусто. Снова повернувшись к мужчине, она продолжила:

– В любом случае, где бы он ни был, советую вам с ним немедленно связаться, потому что по его милости у нас на складе зря пылятся тазы. Целая партия, которая ждёт гениального маркетингового хода, – на этих словах в ее голосе прозвучал ничем неприкрытый, как их целевая аудитория в бане, сарказм, – ...после которого мой отдел наконец сможет начать

продажи! – закончив свою речь, Карина выжидательно сложила руки на груди и приподняла брови, невольно гадая, что же предпримет дальше этот лжеСтепан Первый.

То, что перед Владом оказалась та самая стерва, сомнений теперь не вызывало. Советовала она ему... Ну-ну. Таких советчиц Шаталов ел на завтрак, обед и ужин – особенно красивых. А именно эта кандидатка на перевоспитание была красивой.

– Царь маркетинга отбыл набираться... опыта в Первопрестольную. А я... Я уже представился, но видимо, для вас это представление слишком не по форме, потому перепредствлюсь. Шаталов Владислав Николаевич, генеральный директор пиар-агентства «BossInMarketing». Как я понимаю, о нём вы не слышали, но мы это исправим, – пообещал Влад с самой лучезарной улыбкой на лице, однако отчётливо понимая, что металлических ноток, сквозящих в голосе, сдержать не удалось.

Он прошёл мимо стервы, как мысленно окрестил её для себя, подошёл к столу зависшей над разгадыванием сканворда женщины в тёмно-зелёном пиджаке и, нахмурившись, всмотрелся в засаленную книжицу, в которой его новая сотрудница усиленно «работала».

– Абажур! – немного пошевелив губами для порядка, возвестил вдруг Влад и добавил, поясняя: – Вот тут зашифрован абажур.

Постучав пальцем по горизонтальной строке, Шаталов – совершенно искренне надо сказать – улыбнулся женщине в пиджаке и дождавшись, пока она представится на его вопросительный взгляд, повернулся ко второй даме. Итак, Любовь Михайловна и Таисия Антоновна. И безымянная пока что стерва, которая так и наблюдала за ним, сложив руки на груди. Впрочем, вопрос её безымянности решался легко и быстро.

Подойдя к двери в кабинет стервы, Шаталов закрыл её, и на ней ожидаемо обнаружилась потемневшая латунная табличка. Ангелова Карина Олеговна. Влад едва сдержался, чтобы не проржаться на весь «офис».

Что ж... Карина, значит. Да ещё и Олеговна. Занятно. Войдя без спросу в её кабинет, Влад подошёл к рабочему столу, уселся на самом его краешке, так и не убрав документов, которые заполнили собою всю лакированную потёртую поверхность, и провозгласил:

– Я очень... очень не люблю, когда меня ждут тазы. И особенно не люблю, когда они пылятся, – бросив красноречивый взгляд на пятую точку стервы, подвигал бровями Шаталов. – Предпочитаю их полировать... Тем более, что и инструменты для этого у меня имеются самые обширные. Так что не волнуйтесь, Карина Олеговна. Ваш отдел долго простаивать не будет. Мгновенно включится в работу и будет подмахивать со всем пылом. То есть, я хотел сказать, участвовать в процессе.

Он снова растянул губы в широкой улыбке, в которой не было на этот раз ни капли тепла, и, сделав умильную физиономию, попросил:

– Не подскажите, где тут банкомат? Налички с собой не взял ни грамма. А так кушать хочется...

Карина слушала нового самопровозглашенного начальника отдела маркетинга и ощущала себя при этом так, будто это была рубрика «дуракам всегда везёт» в прямом эфире.

Муринский, значит, наслаждается сейчас столичными благами, а вместо себя подsunул смазливый самоуверенного дружка. От ее внимания не укрылось, как на Шаталова глазели Любовь Михайловна и Таисия Антоновна. Ну ещё бы! Таких мужчин в их селе отродясь не водилось. Весь контингент был, в основном, подобен тому экземпляру, что сегодня пытался флиртовать с ней в маршрутке, зазывно шевеля усами. Вот только ее саму не возмешь сладкими улыбочками и безвкусными пошлостями, которыми так легко сыпал Шаталов. И того, и другого в жизни Карины было достаточно, и это давно не производило на нее никакого впечатления. К тому же, все происходящее явно было какой-то дурацкой шуткой, но на данном этапе она готова была ей подыграть. Просто чтобы посмотреть, как долго этот неместный денди сумеет здесь продержаться.

– А я очень не люблю, когда в мой кабинет входят без спроса, – медленно произнесла Карина, проследовав за Шаталовым. – Но так как при виде вашего блистательного появления я как раз разлила на столе клей, можете и дальше тут сидеть и тогда вам будет обеспечена бесплатная эпиляция того самого места, которым вы так похвально намерены полировать наши тазы, – сладко улыбнулась она. Конечно, никакого клея на столе на самом деле не было – она уже вышла из того возраста, когда при виде смазливовго красавчика все валится из рук, но на реакцию посмотреть было любопытно. – Что же касается банкоматов... – Карина приложила к губам, накрашенным ярко-красной помадой, указательный палец и сделала вид, будто размышляет. – Скажем прямо – вам очень повезло: ближайший всего-то в двадцати километрах, и если станете сильно гнать, то успеете съездить в обед туда и обратно. А вот покушать – уже вряд ли. Впрочем, если вы и дальше будете соблазнять моих сотрудниц абажурами, то, думаю, они поделятся с вами своим дошираком. Тем более, что с наличными или без – а поесть здесь все равно негде и нечего. Только тазы, только хардкор. Добро пожаловать в Заборье, – и Ангелова снова улыбнулась, ещё ослепительнее прежнего.

Если стерва и желала как-то его уесть, у Влада были для неё плохие новости – он понял в какой жопе мира оказался, едва открыл глаза и воззрился на безвкусные ковры. Поездкой к банкоматам его тоже впечатлить было сложно. Радость от того, что он пошёл на огромную глупость и, упоротый алкоголем, сел за руль, сейчас перекрывала все опасения отойти к протцам, которые возникали в голове Шаталова задним числом. И так, что он имел по факту.

Спор с Муринским – это раз.

Стерву Ангеловну, которую ему предстояло перевоспитать в ближайшее время, – это два.

Двух сотрудниц, с которыми можно было сотрудничать, – это три.

Имеющийся банкомат в этом богом забытом месте – это четыре.

В целом не так плохо, как это могло показаться ещё сегодня утром. А к лишениям и коврам на стенах и полу он как-нибудь привыкнет. Чай, местное развлечение только на месяц, не больше.

– Карина Ангеловна, а вы, как я вижу, так и норовите увидеть все мои полировательные места во всей красе, да ещё и голышом, – шутливо погрозив стерве пальцем, выдал Шаталов после некоторых раздумий. – Похвально. Я и сам бы вам их продемонстрировал, но если дама проявляет такую прыть, не в моих правилах противиться.

Встав со стола и не без облегчения почувствовав, что клея на нём разлито всё же не было, Влад подошёл к Таисии Как Её Там, улыбнулся старушке, после чего без спросу забрал и открыл упаковку доширака, стоящую у неё в тумбочке возле стула. Залив его подостывшей водой из чайника, Шаталов закрыл будущую бурду пластиковой крышкой, предварительно нюхнув убойный аромат, исходящий из контейнера.

– Забористый у вас тут в Заборье доширак! – признался Шаталов, складывая руки на груди. – И вот что я придумал под воздействием его благодатных паров. Вы, Карина Ангеловна, говорите, что таз ваш простаивает без дела. Подумалось мне – зачем? Зачем такому тазу пылиться, если он может принести нам пользу?

Шаталов прошёлся по «офису», на ходу придумывая концепт, которым собирался ошарашить всех своих новых сотрудниц, и, наконец остановившись посреди коридора, отлично просматривающегося из всех офисных клетушек, проговорил:

– Представьте билборд. – Он повёл рукой в воздухе слева-направо. – На одной его стороне в тазу сидит неглиже Таисия Антоновна. Вас мы приведём в порядок, подкрасим-подмажем, – он обернулся к застывшей старушке. – На другой – в тазу же! – вы, Карина Ангеловна. Тоже вся соблазнительная, вот с такими губами, как сейчас, призывными и влекущими. И лозунг. – Он принял серьёзный вид, едва сдержавшись, чтобы не разгоготаться на всё Заборье. – В наших тазах – молодильная сила! Купайтесь, пока вся вода не остыла!

Если этот столичный экземпляр надеялся ее поддеть такими детскими приёмами, как коверканье имени, то он крупно просчитался. Как и относительно того, что ее могут смутить или задеть его «гениальные» маркетинговые ходы.

Возможно, сейчас она была всего лишь начальником отдела продаж захолустной фирмы, торгующей тазами, но с такими, как этот красавчик, поднаторела справляться давно. Уж этому-то жизнь научила ее с лихвой.

Карина бросила взгляд искоса на Таисию Антоновну, дабы убедиться в том, что, мягко говоря, некорректное предложение Шаталова не ущемило лучших чувств ее сотрудницы, но, как и ожидала, обнаружила, что та смотрит на наглеца с открытым ртом, и ее ничуть не беспокоят ни намеки на преклонный возраст и плохую форму, ни даже спертый без спросу Доширак. Ну что ж... Раз так, то и Карину это больше совершенно не волновало. Но и оставить без внимания блистательное шаталовское выступление она никак не могла.

– Как приятно, что после всего-то получаса знакомства мы с Таисией Антоновной уже стали вашими музами и, не побоюсь этих слов, эротическими фантазиями, – Карина взглянула на Шаталова нарочито восхищённо и растянула губы в чувственной улыбке. – Только, дорогой наш гений, думаю, вы упускаете одну очень важную деталь. – Она подошла к наглецу ближе и, встав рядом, повторила его жест рукой: – Итак, билборд. На одной стороне в тазу сидит Таисия Антоновна, вся цветущая и пахнущая вашими стараниями. На другой – я, прямо так, как вам нравится – обнаженная и с губами трубочкой. А между нами, конечно же, должны занять место вы сами! Тоже с тазом. Скромно прикрывая им свое нескромное, я уверена... м-м-м... полировальное место. Которым вы обещали служить нашему тазобредовому... простите, тазобедренному делу верой и правдой! – договорив, Ангелова беззастенчиво уставилась Шаталову за спину с преувеличенно заинтересованным выражением лица, и после десятка секунд созерцания одобрительно поцокала.

– Уверена, этим вы послужите нашей фирме даже лучше, чем языком, – наконец вынесла она свой вердикт, и, уже отойдя, добавила:

– Кстати, не утруждайте себя запоминанием сложных букв, из которых состоит мое полное имя. Может меня звать просто и по-рабочему – Ангел Всемогуший.

– Предпочту величать вас Кариной Ангеловной, мне это нравится не в пример больше. А то вы себя всемогущей тут представляете, а на деле даже доширака несчастному голодающему заварить не сумели, – покачал головой Влад.

Его весьма занимал один важный вопрос: какую тактику будет лучше всего применить по отношению к стерве? Ну, положим, поначалу ему будет доставлять удовольствие задевать её всякими идиотскими шутками, на которые он был мастер, но вскоре подобное общение наскучит прежде всего ему самому.

А учитывая, что время шло, а он не собирался задерживаться в этом забористом Заборье долее положенного, нужно было пораскинуть мозгами и изобрести что-нибудь действенное. Тем более, что Карина полностью подходила под его весьма придирчивые вкусы. А уж приладить её острый язычок к более приятному назначению он сумеет всегда.

– Кстати, о моём полировальном месте. Если уж вы так жаждаете увидеть его во всей красе, милости прошу.

Он взялся за ремень джинсов, но мгновением позже, будто бы передумав, убрал руки и, подойдя к столу Таисии Антоновны, взял коробку с лапшой и, открыв её, отпил сразу добрую половину жгучего бульона.

Еда была отвратительной. Неудивительно, что на таких харчах стерва окончательно стала язвой. Но, наконец-то получивший порцию еды протестующе урчащий желудок, затих.

– Так вот. Если вы так желаете увидеть его во всей красе, я согласен на ваше щедрое предложение быть зажатым между вами и Таисией Антоновной. На билборде, разумеется. Так что я отправляюсь готовиться к фотосессии, чего и вам желаю.

Прихватив остатки лапши с собой, Шаталов направился к выходу, возле которого обернулся ко всем трем рязанским барышням:

– Завтра же в бане проводим фотосет в обозначенном Кариной Ангеловной стиле. Купание красного меня. Не опаздывайте, девочки. Снимать будем на мой айфон. Как я понимаю, это лучшая фото-техника на всё Заборье, которая имеется в нашем распоряжении. Что ж, мне не привыкать работать в настолько сложных условиях.

Подмигнув стерве, Влад толкнул перед собой дверь и вышел на улицу. Разумеется, работать он не собирался. А вот провести весело время среди этого банно-тазового хозяйства – очень даже.

Карина только пренебрежительно фыркнула, когда заметила, как Шаталов взялся за ремень брюк, но дальше этого, дело, конечно, не зашло. Ибо, как она могла сделать вывод из их короткого знакомства, к чесанию языком он был склонен куда больше, чем к реальным действиям. А даже жаль. Этот милый офисный стриптиз мог бы стать отличным развлечением среди унылого рабочего дня, где все было привычно-монотонно и где совершались по кругу одни и те же действия одними и теми же людьми. Даже многие звучащие в этих стенах слова стали настолько привычными, что почти теряли смысл. Так что следовало, пожалуй, отдать этому Шаталову должное – он изрядно оживил их закоснелую обстановку. Перепалка с ним была словно глоток свежего воздуха и будоражила, как адреналин, играющий в крови. Ощущение, которого она уже давно не испытывала. Потому, в общем-то, Карина и не стала осаживать его напоследок – пусть воображает, что этот раунд остался за ним. Тем более, что она была уверена – следующего попросту не будет. Он наверняка уже улепетывает прочь из Заборья, давя на педаль газа так, что колеса его несомненно крутой тачки дымятся от усердия. Вполне возможно, что теперь им наконец следует ожидать появления блудного Мурина, который, сыпая глупыми шуточками направо и налево и сам же над ними смеясь, будет вопрошать с довольным видом: «ну что, купились?».

– Карина Анге... эээ, Олеговна, а что, мы завтра правда пойдем в баню? – раздался робкий и полный надежды голос Таисии Антоновны, отвлекая Карину от ее мыслей и созерцания вида за окном, где посреди уже почти голого поля бродили в извечном поиске пропитания тощие козы.

– Нет, конечно. – Карина повернулась к старушке и тихо вздохнула, жалея о том, что приходится разбивать чужие розовые мечты. – Увы, Таисия Антоновна, такие люди, как этот Шаталов, больше болтают, чем делают. Уверяю вас, он не рискнет продемонстрировать нам все свои... достоинства. И вообще вряд ли мы его ещё увидим.

– Но как же... – пролепетала Таисия Антоновна, – он же сказал... завтра...

Господи, ну и что тут поделаешь, если жизнь человека ничему не научила? Карина устало потерла переносицу и снова вздохнула.

– Ну вот завтра и посмотрим. А теперь давайте работать.

– Карина Ан... Олеговна, – донёсся в ответ голос второй ее сотрудницы, Любви Михайловны, – как вы думаете, а айфон у него последней модели?

Отличный вопрос. А главное – важный и по делу.

– Даже не сомневаюсь, – ограничилась Карина короткой репликой, оброненной сухим тоном. – И давайте всё-таки работать. С пятницы еще остались непрозвоненные клиенты, предоставленные нам неожиданными стараниями Степана Валерьевича.

Подавая пример, она направилась в свой кабинет, чтобы снова погрузиться в ворох бумаг и порядком опостылевшую рутину, из которой, в сущности, и состояла вся ее жизнь в последние годы. И с которой, казалось, уже давно примирилась, если бы не этот нахальный тип, чье появление всколыхнуло слишком много воспоминаний о том, что было ей недоступно. Будь же он неладен!

Выйдя из кирпичной коробки, Шаталов с удовольствием вдохнул полной грудью свежий, не в пример московскому смогу, воздух. Приплюсовав этот пункт к тем положительным особенностям пребывания в Заборье, которые уже успел мысленно про себя подметить, Влад уселся за руль. Водрузив контейнер с лапшой на соседнее сидение, он побарабанил пальцами по подбородку, размышляя, выкинуть эту гадость прямо здесь или сначала убедиться, что в рязанской области кормят не только китайским дерьмом.

Решив пока повременить с избавлением от доширака, Шаталов завёл движок и взял курс на поиски банкомата, а следом – хоть какого-нибудь магазина. Судя по размерам Заборья, и то, и другое должно было находиться не очень далеко друг от друга. В первом же попавшемся маркете – по правде, таким названием, халупа с козырьком из металлопрофиля очень сильно себе льстила – выяснил, что карточки здесь не принимают почти везде, кроме сельпо, стоящего на выезде из посёлка, но оно, с большой вероятностью, могло быть закрыто. Зато неподалёку есть вожделенный банкомат, в котором, если повезёт, ещё осталась наличность.

Закатив глаза, Шаталов снова сел в машину, крепко выругался отборным матом, когда его взгляд упал на дисплей на торпедо. За ночную поездку тачка выжрала почти весь бензин, и теперь отчаянно моргала отметкой в пятнадцать километров, на которые и хватит горючки. Местным пойлом что ли заправиться, если не найдётся рядом бензоколонки?

Ладно, эту проблему можно было пока отложить на потом, сейчас первоочередной была задача добраться до чёртова банкомата.

Он стоял, тесно прилепившись к стене какого-то полуразрушенного здания, и если бы Влад не уточнил у продавца в магазине, есть ли в принципе хоть какое-то место в этом богом забытом селении, которое бы смогло выдать ему хоть немного денег, наверняка бы его поиски не увенчались успехом.

Всё же прихватив с собой доширак, Шаталов допил бульон, ставший ледяным, попытался втянуть в рот хоть немного лапши, но преуспел только в том, что перемазался в жиже с овощами, оставшимися на дне. Выбросив коробку в урну, подошёл к банкомату и взмолился всем богам, чтобы в нём было хоть немного налички.

Хотелось ржать. А ещё лучше мысленно распрощаться с тачкой, вернуться в Москву и вручить Муринскому ключи от автомобиля в лучших традициях «Поля чудес». Но было одно «но». Вернее, даже два. Однако второе однозначно перевешивало.

Во-первых, с таким количеством горючки он далеко не уедет. Во-вторых, его зацепила эта ангелоподобная стерва. И сейчас, когда эмоции от встречи немного поутихли, Шаталов понял, что не уедет из этого грёбаного Заборья, пока не разложит Карину на столе – или где-то ещё – и не оттрахает хорошенько во все места.

Сунув карточку в банкомат и зажав на левой руке крестик на удачу, Влад набрал пин-код и – о, чудо! – на экране высветились щедрые предложения снять наличку или запросить баланс.

Нет, он вообще не понимал, как в таком захолустье можно жить. Как здесь можно работать, жениться, заводить семью, наконец. Как вообще можно прозябать в таком месте, понимая, что жизнь мчится мимо, а тебе остаётся только глотать пыль из-под её копыт? Или думать, как продать долбанные тапки для бань. Тапки, сука!

Тяжело вздохнув, когда банкомат смог выдать ему только три тысячи семьсот рублей, Влад забрал вожделенные купюры, сунул деньги в карман, куда следом отправилась и карточка, и, заложив руки в задние карманы джинсов, огляделся. Итак, задача номер один выполнена. Впереди задача номер два – поиски заправки.

Матерясь и утопая в песке, смешанном с пылью, Шаталов волочил канистру, шагая по обочине и безуспешно пытаясь поймать хоть какую-то попутку. Ржать уже не хотелось. А вот жрать – так сильно, что выброшенный в помойку доширак показался едва ли не деликатесом.

И дёрнул его чёрт отправиться за пределы Заборья на поиски заправки! Она, конечно, нашлась, но сильно дальше, чем он предполагал. И идти к ней пришлось пешком, потому что

Порш, дёрнувшись несколько раз, заглох и остановился. Проклятые гон*оны немцы. Мало их в сорок пятом гнали к херам. Ведь показывал же дисплей, что бенза хватит ещё на пять километров!

Залив горючку и с облегчением заведя машину, Шаталов вернулся на заправку, где заполнил бензобак под завязку. Итак, задача номер два тоже была выполнена. А он неплохо справлялся, учитывая, что опыта в подобном у него не было ни на грамм. Даром, что вовсю смеркалось, а это означало, что он потратил на всю эту хрень почти весь день.

Вырулив в сторону Заборья, Шаталов подавил в себе желание заехать в магазин, купить еды и спиртного и, нажравшись во всех смыслах этого слова, заночевать прямо возле «офиса». Решение, которое он принял, конечно, привело его к уже знакомому кирпичному зданию, вот только совсем не с целью ночёвки.

Припарковавшись возле крыльца, Влад вышел из машины и принялся поджидать Карину Ангеловну, опершись бедром о полированный бок железного коня. Нужно было начинать наводить мосты и искать общие точки соприкосновения с этой красивой стервой. А это значило, что в идеале этот день должен был закончиться совместным ужином как минимум.

Уходила Карина, как всегда, последней. Это был привычный, почти как чистка зубов по утрам и перед сном, ритуал – выпроводить всех сотрудников и посидеть некоторое время, вслушиваясь в тишину. Редкие минуты, принадлежащие только ей одной.

Встав со своего кресла спустя пару минут блаженного бездействия, она устало потянулась, выключила компьютер и переобулась. Сломанный каблук на сапоге в обед ей починили ребята с завода и теперь Карина была совершенно уверена, что новая шпилька столь же непрочна, как их банная продукция, ибо тазы здесь делались с душой и, что называется, навека. Видимо, именно поэтому редко какому клиенту им удавалось впарить свой товар повторно.

Усмехнувшись своим мыслям, она погасила свет и, заперев старую скрипучую дверь, спустилась по деревянным ступенькам вниз. Вдохнула полной грудью вечерний воздух с привкусом дождя и дыма и, едва отведя взгляд от темных сгустков неба, застыла, не веря собственным глазам. К ее полному изумлению, у крыльца офиса была припаркована дорогая иномарка – абсолютно под стать своему хозяину. И оба они – Шаталов и его крутая тачка – выглядели здесь совершенно чужеродно и неуместно – посреди сельской грязи, на фоне обшарпанного старого здания.

– Я думала вас и след простыл, – сказала Карина, не скрывая своего удивления его присутствием. – Или по пути к столичной границе вас озарила очередная гениальная идея, которой вы решили срочно поделиться? – хмыкнула она.

– Ну почему же по пути? Гениальные идеи вообще меня не покидают, – не без удовольствия в голосе проговорил Влад, но тут же сбросил маску, которая появлялась рядом с Кариной помимо воли. – Мы с вами, пожалуй, не с того начали. Работать нам вместе на благо партии ещё месяц. Делить, как я полагаю, нечего. Вы привлекательны, я чертовски привлекателен, почему бы нам не наладить контакт? Сугубо деловой, разумеется.

Распахнув перед Кариной пассажирскую дверцу, Шаталов кивнул на нутро Порш, обитое светлой кожей, и добавил:

– Давайте я отвезу вас домой, а вы покажете мне по дороге приличный магазин. Я тут немного погуглил. В Рязани, кажется, даже рестораны имеются. Конечно, на ужин с вами рассчитывать не приходится, как я понимаю, но вы же не дадите мне окончательно умереть с голоду?

И он посмотрел на неё, приняв очень-очень невинный вид.

– Как же это в стиле Муринского, – фыркнула Карина, не торопясь садиться в шикарный Порш, один только вид которого буквально кричал о богатстве и привычке своего хозяина к самым лучшим и дорогим вещам. – Заслал вас вместо себя в глушь и даже не ввел в курс дела. Значит, как всегда, всю грязную работу за него придется сделать мне, – усмехнулась она. –

Так вот, дорогой гений, вынуждена вас разочаровать – мы с вашим приятелем находимся в постоянных контрах и делить нам очень даже есть что. Но не думаю, что вас это должно волновать, ведь вы же несерьёзно на самом деле про месяц совместной работы? Не нужно держать меня за идиотку, – на последней фразе тон ее из насмешливого стал колюче-ледяным, – я прекрасно понимаю, что это какой-то розыгрыш. А вот чего я пока не понимаю – так это его целей. – Карина замолчала, обдумывая вставшую перед ней дилемму. Садиться в машину к незнакомому человеку, который непонятно что вообще тут делал – было явно не самой лучшей идеей. Тем более, находясь вдалеке от города. Но из Порша так заманчиво тянуло теплом, а она так сильно устала, что при одной только мысли о том, чтобы промерзнуть на остановке невесть сколько времени – потому что по вечерам автобус ходил как ему заблагорассудится – бросало в дрожь. И перспектива хоть раз доехать с комфортом до дома была невообразимо привлекательной. Настолько, что в конце концов перевесила все соображения безопасности. Хотя на всякий случай Карина все же кинула взгляд на номера машины, фиксируя их в памяти и отметив про себя, что они действительно московские. Это, впрочем, и так было очевидно, чего не скажешь обо всем остальном, связанным с этим холёным типом.

Поколебавшись ещё пару мгновений, она все же нырнула на пассажирское сиденье и, дождавшись, когда Шаталов займет место за рулём и заведет мотор, сказала:

– Вы правы, я вам действительно не дам. Умереть с голоду, в смысле. На въезде в Рязань, в которой я и живу, есть хороший гипермаркет. Кроме того, готова показать вам по пути отличную пекарню – уверена, в Москве таких нет. Но при одном условии – вы расскажете мне, как вас угораздило попасть в Заборье. Идёт? – Карина кинула на Шаталова взгляд искоса, в надежде понять по его реакции, соврет он ей или скажет правду.

Общий счёт один:ноль в пользу взаимодействия, успел подумать Влад, с проворотами отъезжая от «офиса», в который, как он смел надеяться, возвращаться ему придётся не так, чтобы очень скоро.

– Вы очень, очень сердобольны, Карина Ангеловна, – с самым серьёзным видом ответил Шаталов, сосредоточившись на дороге. – А историю свою я рассказал почти целиком. Степан – мой старый приятель. Но дороги наши с ним пересекались не очень часто.

Он кивнул на пачку Кэмэл, спрашивая разрешения закурить и, получив сначала кивок, а следом отрицательное мотание головой на предложение присоединиться, зажал сигарету в зубах и, прикурив, с наслаждением затянулся.

– Вчера вечером мы с ним завалились в бар. Дальше помню смутно. Но Степыч мне утром рассказал, что к чему. Пospорили мы с ним, что я месяц продержусь на его должности. Только как-то у меня мимо ушей прошла инфа, что его офис находится в Заборье.

Он бросил на сидящую рядом Карину быстрый взгляд, отмечая про себя чувства, которые рождались в нём от близости Ангеловой. И понял, что желание заполучить её в свою постель стало лишь сильнее.

– Но вот я здесь, так что будем работать вместе. И кстати, вы несправедливы по отношению к Степану. Я вообще не желал бы ничего знать о том, где он работает. Ну, в смысле, как именно он предпочитает продвигать продукцию. В арсенале каждого пиарщика должен быть свой собственный креатив. И вдохновение. Вот – основа основ, а не чей-то опыт, который хорош только в одном случае: если он учит не делать ошибок.

Воодушевившись, Шаталов сел на любимого коня. Работа, которой он посвящал если не всё свободное время, то большую его часть, занимала его мысли даже когда он спал. Хорошо ещё у него был человек, который мог заменить Влада на этот месяц без потери качества в обслуживании клиентов.

– А вы, Карина? – неожиданно даже для себя задал вопрос Шаталов. – Как вас угораздило попасть в Заборье?

Карина слушала Шаталова и чем дальше, тем больше понимала, что основное чувство, которое при этом испытывает – странное, совершенно неуместное разочарование.

Итак, по тому немногому, что он рассказал, можно было, однако, прийти сразу к нескольким выводам, которые совершенно не красили этого мужчину в ее глазах.

Первое – он был склонен напиваться до беспамятства.

Второе – был авантюрен и азартен, судя по дурацкому спору, итогом которого стало то, что он, сам не зная как, оказался в Рязанской глуши.

Третье – он казался очень воодушевленным своей работой, но, что странно, особого рвения в ней сегодня не проявил. Если, конечно, не принимать всерьез идиотские рекламные лозунги про молодильные тазы. И хотя должен был, если ему верить, замещать Мурина на его должности, в офисе при этом отсутствовал весь день. Что, в свою очередь, вытекало в следующий недостаток, а именно:

Четвертое – Шаталов, по всей видимости, был довольно безответственным типом. Для Карины, которая в работе была одержимой перфекционисткой, это был действительно серьезный минус. Впрочем, как говорится, скажи мне, кто твой друг – и я скажу, кто ты. Что хорошего можно было ожидать от приятеля Мурина в принципе?

Ну и, наконец, пятое – он курил. Не то чтобы Карина была категорически против этого, но сейчас испытывала подспудное желание отыскать в этом красавчике как можно больше недостатков. Просто чтобы не забывать о том, что от таких, как он, лучше держаться подальше. И хотя ей это и так было прекрасно известно, в этот момент, когда они находились наедине в машине, и Шаталов был простым и естественным, совсем не выглядя тем самоуверенным павлином, каким казался днем, приходилось напоминать себе, что такими мужчинами, как этот, совершенно не стоит увлекаться. А сделать это было легче лёгкого, вот только последствия подобной глупости бывают весьма тяжёлыми.

Она какое-то время задумчиво смотрела в окно, хотя на улице уже стояла такая темень, что Карина не видела ничего, кроме собственного призрачного отражения в стекле. Наконец, спустя пару минут молчания, она неторопливо заговорила:

– Я оказалась в Заборье, потому что только здесь нашлась подходящая работа, в которой я на тот момент сильно нуждалась. – Она пожала плечами, давая понять, что говорить тут особенно не о чем. – До ваших приключений мне далеко, – добавила с сарказмом, лишенным, впрочем, какой-либо едкости или злобы.

– Да вы что? – эхом откликнулся Шаталов, пародируя тон Карины. Если он снова смог довести её до сарказма, стоило мысленно поставить себе за это плюсики. – А я-то когда был безработным, даже и не знал, что существует такое прекрасное место, как Заборье. Единственное, если верить вам, где можно найти себе приличную вакансию. Так бы рванул сюда сразу и горя бы не знал.

Он снова повернулся к ней и подмигнул, давая понять, что слова Карины воспринимать серьёзно просто невозможно. Подумать только – в основном все едут в мегаполисы, чтобы обзавестись приличной работой, Ангелова же наоборот стремилась в задницу всех миров. Или у неё были проблемы с самооценкой и стремлением к карьерному росту, или же... Другого объяснения этому факту найти Шаталов не мог.

– Вот и магазин, – кивнул он на ярко-подсвеченную вывеску на одном из маркетов при въезде в Рязань. – Это тот самый, о котором вы говорили? И если да – на этом ваше желание составить мне компанию иссякнет? Или же купим чего-нибудь, что можно приготовить быстро – но только не доширак! – и бутылку вина, чтобы отметить знакомство?

А лучше вискаря, – подумал Влад, но вслух конечно произносить этого не стал. Чего доброго, Карина бы тогда раньше времени раскусила его планы увидеть красотку-стерву в своей постели. А допускать этого было пока нельзя.

– Тот самый, – сухо подтвердила Карина.

Веселье Шаталова по поводу того, что она смогла найти работу только в Заборье, неприятно резануло по душе. Что этот богатенький красавчик мог знать о поиске работы вообще? О том, как рада бываешь схватиться за любую возможность, даже если все перспективы, которые она сулит – это продажа тазов? О том, что порой просто нет времени выбирать, потому что остро нужны деньги? Деньги, которые никто другой за тебя не заработает. А помочь тебе – совершенно некому. Напротив – ты должна помогать сама. Себе – и не только.

– Не думаю, что нам с вами следует распивать вместе вино, несмотря на то – а может, именно поэтому – что я чертовски привлекательна, да и вы ничего, особенно когда молчите, – все тем же тоном добавила Карина, но все же распахнула дверцу и вышла наружу, под начавшийся дождь, мелкой моросью разрезающий воздух.

– Тем не менее, мне тоже нужно кое-что купить домой, так что идёте, – кинула она Шаталову из-за плеча, направляясь к яркой вывеске «О'кей».

– И вовсе необязательно было опускаться до оскорблений, – пробормотал Влад, выбираясь из машины следом за стервой.

Напрочь не понимая, чем именно он умудрился её вывести из себя за считанные мгновения, он поднял воротник пальто повыше и, поставив машину на сигнализацию, зашагал за Кариной. Муринский был прав – такую особу за месяц перевоспитать будет сложно, если не невозможно. Но это лишь подстегнуло Шаталова в его целях.

– Хорошо, Карина Ангеловна, – произнёс он смиренно, пропуская её вперёд в автоматически открывшиеся перед ними двери. – Если я вам больше нравлюсь молчащим – значит, я покорно буду молчать всё то время, когда нахожусь рядом с вами. Вернее, болтать именно с вами мы больше не будем, ни о жизни, ни о более прозаических вещах.

Покрутив возле рта пальцами, будто бы закрывал его на замок, Шаталов тяжело вздохнул и направился в тот отдел, который его влёк больше остальных – с алкогольной продукцией.

Обойдя маркет несколько раз быстрым шагом и набросав в тележку всякой всячины, Влад принялся высматривать среди редких посетителей Карину. И когда увидел, подошёл к ней и стал молча ждать, когда же она закончит со своими покупками.

Карина лишь плечами пожала, когда Шаталов объявил, что больше они разговаривать не будут. Как ни крути, а по работе им придется общаться в любом случае, по крайней мере, если он действительно намерен проторчать в Заборье целый месяц, ну а вето на праздные разговоры о жизни и прочем, не относящиеся непосредственно к делу – для нее только к лучшему. И все же она ощутила некоторую неловкость и напряжение, когда Шаталов отделился и направился в сторону алкогольного отдела. В голове мелькнула запоздалая мысль, что она, возможно, к нему несправедлива. Конечно, им совершенно ни к чему устанавливать между собой дружественные отношения, но, по крайней мере, с ним у нее, быть может, получится контактировать более плодотворно, чем то было с Муринским. Если, конечно, Шаталов соизволит в течение месяца появляться в офисе чаще, чем то было сегодня, – отметил ехидно внутренний голос.

Решив все же отныне занять по отношению к новому маркетологу нейтралитет, Карина быстро прошла по рядам с продуктами, набрав того, что всегда покупала по вечерам – хлеб, молоко, печенье. Немного подумав, все же заглянула в мясной отдел – если уж сегодня ее довезут до дома, грех не закупиться впрок тем, чего в ближайших к дому магазинах обычно не водилось, а если и водилось – то стоило намного дороже. В итоге через несколько минут ее корзина заметно потяжелела, до боли оттягивая руку. Поморщившись, Карина свернула в отдел чая и, поставив свою ношу у ног, принялась разглядывать разноцветные пачки, размышляя, что стоит попробовать из всего этого многообразия. За этим занятием ее и застал Шаталов, и, чтобы не заставлять себя ждать, она быстро кинула к остальным продуктам случайную упаковку Гринфилда и направилась к кассе, по пути прихватив Киндер, который по традиции покупала каждый вечер.

Оставшееся расстояние до ее дома они проехали в полном молчании, если не считать того, что Карина назвала Шаталову свой адрес и кратко, но вполне искренне поблагодарила, когда выбралась из машины с огромными пакетами. Испытывая облегчение от того, что очередной рабочий день и дорога до дома остались позади, она быстро юркнула в подъезд и локтем нажала на кнопку вызова лифта. В кармане завибрировал мобильник, и Карина устало усмехнулась – видимо, домашние уже потеряли. А больше искать ее было и некому.

Отпивая спиртное прямо из горла, Шаталов вяло ковырялся в пластиковой упаковке готового обеда, который удалось с трудом разогреть в старой, выдавшей вида, духовке. Но, стоило признаться, эта стряпня была довольно удобоваримой. Может, стоило найти себе на месяц какую-нибудь домработницу или кого-то вроде неё, чтобы она прибирала его носки, которые Влад имел обыкновение раскидывать по углам, а ещё готовила бы ему если не пасту с морепродуктами и сливочным соусом, то как минимум старый добрый борщ.

Почувствовав, что степень опьянения переходит через границу необходимой кондиции, которая требовалась Шаталову в качестве анестезии, чтобы забыть сегодняшний день, Влад завинтил пробку на горлышке. В бутылке плескалась ещё примерно треть содержимого. Можно было смело оставить его на завтра, потому что скорее всего, новый день не принесёт Шаталову ничего хорошего.

Поднявшись и потянувшись всем телом – несмотря на довольно скромные условия для проживания, усталость брала своё, и хотелось завалиться спать в этой ужасной комнате с коврами – Влад отправился в душ в надежде смыть с себя воспоминания о том, что сегодня с ним приключилось.

Когда стоял под унылыми струями воды, на память пришла... Карина. Было в ней что-то, что цепляло Шаталова. И дело совсем не в привлекательной мордашке. Как раз он-то насмотрелся в Москве ещё не на таких красоток. Дело было в самой девушке, со всеми её острыми изречениями, сарказмом, какой-то усталостью от всего, которую она так тщательно скрывала. Возможно даже ему не хватит того, что он получит в итоге, когда стадия перевоспитания достигнет своей конечной фазы. Впрочем, что помешает Шаталову немного продлить своё удовольствие и провести с Кариной больше времени, чем то предполагал одноразовый секс? Даже может свозить её в Москву, чтобы показать, что не только в Заборье есть жизнь, которую он сам всегда предпочитал пить огромными глотками.

С этими мыслями он и лёг спать, решив, что не стоит впредь слишком уж переусердствовать в пикировках с Ангеловой, чтобы в итоге добиться всего, чего он уже успел возжелать.

На следующий день Шаталов прибыл в «офис» ни свет, ни заря. Банный день для съёмок рекламы, которую он сам и придумал, и в процессе создания которой планировал изрядно повеселиться, пропускать было нельзя. Мало того, Влад рассчитывал, что всё сегодня пойдёт строго по его плану, потому и приготовился загодя.

На рабочем месте, как он и думал, Ангеловой ещё не было, а вот обе старушки, которым, очевидно, совсем нечем было заняться дома, уже прибыли и теперь сидели над очередным сканвордом, попивая утренний чай.

– Доброе утро! Все готовы к съёмкам? – как можно жизнерадостнее, но в то же время со всей серьёзностью поинтересовался с порога Шаталов, и обе старушки, как по команде, подняли головы, воззрившись на него с неподдельным изумлением. Наверняка думали, что после вчерашнего больше его не увидят. Интересно, Карина тоже так считала?

– Доброе утро... – пролепетала одна из них, кажется, Таисия. – А Кариночки Ангеловны... то есть, Олеговны, ещё нет.

– Я вижу, – заверил её в ответ Влад. – Но она догонит нас так сказать, в пути. Сейчас я оставляю ей записку, чтобы нагоняла нас в бане, и выезжаем.

– Как это выезжаем?

– Куда выезжаем? В баню?

Шаталов кивнул, подошёл к столу старушек, взял лист бумаги и ручку, набросал несколько слов и, вернувшись к двери Ангеловой, просунул записку под неё.

– Да! Мы выезжаем в баню. Сегодняшний день объявляется днём пиара для тазов. Собираемся, девочки, я жду вас в машине.

Влад не стал дожидаться ответов – или отказов – старушек, просто развернулся и вышел из «офиса», едва сдерживая рвущийся наружу смех. Нет, надо будет обязательно запилить блог в Инстаграм на эту тему. Даже названия стали приходить на ум одно за другим.

«Приключения в Заборье». Или ещё лучше «И такие места существуют...»

Довольный собой, Влад достал из пачки сигарету, закурил и подставил лицо тёплому, по меркам осеннего утра, солнцу. А хорошо всё же тут было. Тишина, покой... развлечения, даже пусть такие местные и самопальные.

Старушки, надо отдать им должное, нарисовались рядом через пару минут. То ли действительно собирались отдаться делу, как того требовала работа, или же – что вероятнее – хотели просто прокатиться на классной машине.

– А в баню какую поедем? – поинтересовалась одна, когда Шаталов галантно подсадил её в Порш. – Тут их три общих... Нас потом Карина Олеговна найдёт?

– Найдёт-найдёт. Я же ей записку оставил. Кстати, Таисия Антоновна, взяли ли вы купальник? – отвлёк он старушку от сокрушений относительно Ангеловой.

– Нет... а нужно было?

– Ну конечно! Не голышом же вас в таз сажать. Ладно, заедем сначала к вам, – решил Влад и с проворотами отчалил от здания «офиса».

Запахи с кухни ударили в ноздри, едва Карина переступила порог квартиры. Осозав этот привычный аромат бабушкиной стряпни, улыбнулась устало – возвращение домой после рабочего дня в последнее время казалось самой желанной вещью на свете. Все остальные желания уже давно пришлось в себе наглухо задушить и довольствоваться тем малым, что оставила ей жизнь.

– Бабуля, я дома! – крикнула Карина в сторону кухни и, выудив из пакетов Киндер, прошла в зал. Коля сидел за столом и, высунув от усердия язык, делал уроки – или делал вид, что делает уроки – под светом старенькой, ещё, наверное, советских времён лампы, которую она не находила сил выкинуть. Слишком живо было воспоминание о том, как за этой же лампой сидела мама... Да и к чему, в общем-то, разбрасываться вещами в рабочем состоянии? В ее положении это была недопустимая расточительность.

– Привет, разбойник, – потрепала она брата по голове. – Держи.

Коля вскинул на нее глаза, взял Киндер и поблагодарил, но обычной радости в его взгляде при виде любимой шоколадки не было. Карина присела на подлокотник дивана, стоявшего рядом со столом, и, внимательно всмотревшись в лицо брата, пришла к однозначному выводу, что тот чем-то расстроен.

– Что-то случилось в школе? – спросила она мягко.

Коля нерешительно вертел в руках Киндер, больше не поднимая на нее глаз, и Карина поняла, что, видимо, дело было очень серьезное.

– Ну же, расскажи мне, – она притянула к себе ребенка и, прижавшись щекой к его щеке, сказала:

– Ты же знаешь, вместе мы обязательно что-нибудь придумаем.

– Да ерунда... – отмахнулся он и нахмурился – как-то сурово, не по-детски, и Карине стало окончательно ясно, что Коля сильно переживает, подтверждением чего послужил горестный всхлип, выдавший брата с головой, несмотря на мужественные для его возраста попытки сдержаться.

– Ну ты чего... – Карина присела перед ним на колени и легонько сжала руками его тонкие плечи. – Даже с ерундой мы непременно справимся.

– Другие мальчишки не хотят со мной играть... – наконец тихо сказал брат, словно стыдился этого факта, от которого у Карины внутри что-то защемило.

– Почему? – спросила она осторожно.

Брат передёрнул плечами, словно старался показать, что ему всё равно, и от этой его попытки сердце у Карины заболело ещё сильнее.

– У них есть планшеты, а у меня нет... – сказал Коля.

Больше он ничего не добавил, но Карина поняла все и так. Другие дети играли с планшетами, а ее брат в их компании был отщепенцем, им с ним и говорить было не о чем.

Она закусил губу, чтобы самой не расплакаться и, сглотнув, сказала:

– Не беда. У тебя тоже будет планшет. В выходные пойдем и купим.

– Правда? – Коля вскинул на нее глаза, в которых зажёгся огонек надежды, но в следующее же мгновение потух. – Но ведь у нас денег нет...

Денег действительно не было. Но маленькому мальчику совсем не нужно было об этом знать. Он вообще не должен был ни в чем нуждаться. И, несмотря на то, что Карина не одобряла увлечения планшетами с детских лет, она понимала, что если у Коли не будет этой игрушки, другие дети станут относиться к нему пренебрежительно. И допустить этого она не могла.

– Найдем, – успокоила она брата. – Мне на работе премию дадут.

Никакой премии ей, конечно, не светило. И откуда взять несколько тысяч рублей на планшет – она пока не знала тоже. Но то, как повеселел брат от ее обещания, стоило того, чтобы любой ценой заполучить дурацкую игрушку. В конце концов, она может взять еще один кредит. Или сэкономить на чем-нибудь... хотя и так уже экономила на себе, как только могла.

Чувствуя, как начинает раскалываться голова от этой новой проблемы, Карина ободряюще улыбнулась Коле и, поднявшись на ноги, пошла на кухню разбирать принесенные из гипермаркета пакеты.

Поднявшись следующим утром по скрипучим деревянным ступенькам в свой офис, Карина обнаружила, что там ее ждёт неприятный сюрприз. Закрытая дверь уже не предвещала ничего хорошего, а найденная в кабинете записка окончательно убедила Карину в том, что ей не только не светит премия, но и сама зарплата в этом месяце под большим вопросом.

Сумма выплат, как ее сотрудницам, так и ей самой, во многом зависела от продаж, план которых они выполняли, а чаще всего – как раз таки не выполняли. И сейчас, глядя на записку Шаталова, в которой этот негодяй сообщал о том, что увез весь ее отдел в количестве двух человек в баню, Карина в который уже раз задалась вопросом, что она вообще делает в этом тазовом дурдоме? Что делает тут московский мажор ей уже стало ясно – развлекается за чужой счёт.

Вчерашний день без клиентов, которых должен был поставлять им для обзвона отдел Муринского, уже пошел коту под хвост и сегодняшний, похоже, грозил отправиться туда же. И если Таисию Антоновну и Любовь Михайловну мало, похоже, волновало, какую зарплату они получают в этом месяце, то Карину, придавленную кредитом и новой головной болью в виде планшета, этот вопрос занимал весьма сильно. И она не намерена была позволять какому-то бездельнику срывать ей рабочий день.

Посмотрев на оставленный Шаталовым адрес, Карина почувствовала, что закипает ещё сильнее. Если этот ненормальный увез ее сотрудниц на своей машине, то самой Карине до означенного места придется добираться минимум час огородами – в самом прямом смысле этого слова – потому что маршрутка через местные полевые красоты ходила редко. Смяв в руке записку, она стремительно выскочила из офиса и так быстро, как только позволяли высокие каблуки, помчалась на остановку, чтобы не пропустить ближайший рейс.

Баня «У Василия» обладала весьма внушительными размерами и важным качеством в деле, которым собирался заниматься в ближайшее время Шаталов – в ней почти не было посе-

тителей. А те, которые были, счастливые и довольные – а местами даже недомывшиеся – умчались кутить на выданные им пятьсот рублей в качестве отступных.

Все переговоры с хозяином и посетителями заняли у Влада от силы минут пятнадцать, а оставшееся до прибытия Карины время он потратил с пользой, расспрашивая старушек относительно их начальницы и попутно травя байки о столичной жизни. Даже успел обучить Любовь Михайловну простым навыкам в обращении с фотокамерой айфона.

Таисия Антоновна, облачённая в сероватый халат, уже вовсю успела примериться к тазу, поплескавшись в нём и так, и эдак, и была вполне довольна жизнью. Впрочем, как и её соратница по отгадыванию сканвордов, увлечённо снимающая на айфон всё, что попадалось ей на глаза.

Влад как раз рассказывал о том, какими полезными функциями снабдили последнюю модель телефона, когда дверь в помывочную открылась, и на пороге возникла Карина Ангеловна собственной персоной. Отыскала-таки.

Старушки тихо охнули, хорошо хоть креститься не начали, и заметно попритихли. А вот Шаталов притихать не собирался.

– Опаздываете, Карина Ангеловна, – покачал он головой, подходя к строгой начальнице. – Но это не беда. Я оплатил баню на весь день. Так что раздевайтесь! Будем продвигать ваши тазы, – скомандовал он и принялся стаскивать с себя одежду.

Ворвавшись в баню, в которую Шаталов, если верить записке, увез ее сотрудниц, Карина обнаружила, что внутри никого нет. Вообще никого. Только из помывочной доносились голоса, среди которых она узнала Любовь Михайловну, о чем-то восторженно верещащую, и вторящую ей Таисию Антоновну. Что ж, по крайней мере, этот сумасшедший не держал их тут силой. А уж за самовольную отлучку с рабочего места она с них взыщет, пусть не сомневаются.

Распахнув дверь помывочной, Карина оглядела всех присутствующих и с удовольствием отметила, что обе женщины, судя по их испуганному виду, прекрасно понимают, чем им грозит этот внеплановый поход в баньку. И только Шаталову, требующему, чтобы она разделась, все было нипочем.

Что ж, сейчас она его приведет в чувство.

– А вы, как я вижу, господин Шаталов, слегка перегрелись, генерируя гениальные идеи, – улыбнулась она ему. – Ничем иным я не могу объяснить эти банные развлечения в рабочее время. Но ничего, я вам помогу прийти в себя.

И с этими словами Карина схватила стоявший на полке ушат ледяной воды и выплеснула его на Шаталова.

Эта женщина определённо умела охладить его пыл, причём в прямом смысле этого слова. Всего мгновение – и Влад стоит и обтекает. Причём тоже – в самом прямом смысле этого слова. Хорошо ещё хоть документы оставил в машине, а айфон так и остался в руках Любви Михайловны, иначе бы не только единственная смена одежды оказалась в непотребном виде, но и дорогостоящие вещи, которые Ангелова вряд ли бы смогла отработать, даже если бы он трахал её во все места по три раза на дню.

– А вы, как я вижу, Карина Ангеловна, обладаете поистине демоническим характером и напрочь отшибленной памятью, – улыбнувшись и отряхиваясь от воды, будто пёс, выходящий из озера, ответил Шаталов. – Ничем иным я не могу объяснить тот факт, что вы напрочь забыли о нашей фотосессии. Но ничего, я вам помогу вспомнить, а заодно и стать мокрой в самых интимных местах, которые вам непременно понадобятся дальше в общении со мной.

Возможно, это был ребяческий поступок, особенно под взглядом двух пар глаз женщин, годившихся ему в бабушки, но сдержаться Влад уже не мог.

Обхватив Ангелову поперёк талии, он сделал шаг, легко отрывая её от пола, и со всего маху усадил Карину в лохань, искренне надеясь, что вода в ней – не грязная, оставшаяся после

предыдущей весёлой компании. Взяв айфон у замершей Любви Михайловны, Шаталов сделал несколько снимков сидящей в лохани Ангеловой и задумчиво изрёк:

– Это, конечно, не мой гениальный билборд, но тоже сойдёт. Как вы думаете, Карина, что мы напишем в виде лозунга в этом случае?

– Что бы мы ни написали, вам это уже будет неважно, потому как данный лозунг станет вашим посмертным, – пообещала Карина Шаталову сквозь зубы, и, наплевав на то, как выглядит сейчас, неловко попыталась приподняться, чтобы вылезти из лохани, но обнаружила, что застряла. Закрыв лицо руками, призадумалась, что хуже – просить этого мерзавца о помощи или дергаться, как припадочная, чтобы освободить задницу из деревянного плена. Рассудив, что и то, и другое будет просто чудовищным ударом по ее гордости, Карина решила пойти иным путем. – Знаете что, Владислав Шаталович? – пропела она сладко, глядя своему противнику прямо в глаза, – я, к вашему сведению, ненавижу непрофессионализм, к вопиющим случаям которого отношу фотосессию с моим отделом в рабочее время и, собственно, то, как эта фотосессия осуществляется. Видимо, продавать вы ни черта не умеете, – заявила она жестко, – потому что подаете меня не в том виде. И, не сводя с Шаталова глаз, Карина начала делать то, о чем он несколько минут назад и просил – раздеваться, медленно расстегивая одну за другой пуговицы на блузке и попутно соображая, как потом утопить его чертов айфон, чтобы эти снимки никуда не попали.

– Подождите-подождите, Карина Ангеловна. Больше экспрессии, но медленнее движения, – неожиданно для себя разозлившись на слова этой стервы, проговорил Влад, продолжая снимать на айфон происходящее. – Прямо сейчас эти фотографии и даже видеозапись отправляются в режиме онлайн на почту моей фирмы, а уж там из этого сделают конфетку. Ваши тазы прорекламируем не только в Рязани, но и по всей Москве. Вы у меня на каждом столбе висеть будете, Карина Ангеловна. А может даже, и в магазинах на диване помелькаете. Так, знаете ли, и хочется показать вам, насколько хорошо я умею продавать.

Обернувшись к старушкам – интересно, никого из них не хватит инфаркт, когда они покинут бани? Только трупов на его совести не хватало, – Влад отдал айфон Любви Михайловне и кивнул на дверь, куда обе сотрудницы Карины и устремились, будто здесь как минимум апокалипсис должен был грянуть. Впрочем, очень походило на то, что именно он и мог случиться в следующую секунду.

– Карина Ангеловна... – почти ласково проговорил Шаталов, подходя к лохани и закатывая рукава мокрой рубашки. – Знаете, я очень не люблю, когда мне угрожают. И совсем не терплю, когда это делают почём зря.

Схватив стерву за руку, он бесцеремонно и с силой потащил её прочь, но не рассчитал сил. Карина выскочила из лохани, как пробка из бутылки шампанского, и он, инстинктивно прижав её к себе, растянулся на полу. Сама же Ангелова оказалась сверху, чем Шаталов и воспользовался, ухватив её за аппетитную задницу.

– Ну, давайте, воплощайте свои угрозы в жизнь, – милостиво разрешил он, улыбаясь во все тридцать два.

– Угрозы я буду воплощать в жизнь в ином месте, – холодно ответила Карина, шлепнув Шаталова по рукам, которыми он уже ощупывал ее многострадальный зад и не слишком-то изящно откатилась в сторону. Впрочем, учитывая все случившееся, то, как она сейчас выглядела, волновало ее в последнюю очередь. – Знаете, Шаталов, вы здесь только второй день, а вреда от вас уже слишком много, – сказала она, вздохнув. – И я даже не об афишах, которыми вы грозитесь украсить каждый забор в нашем Заборье и за его пределами, а о том, что руководству пора нанимать нового маркетолога вместо вас и Муринского вместе взятых. Иначе мы попросту погорим, а я не готова терять такую замечательную работу, – подвела она итог, не скрывая сарказма на последних словах.

– Вы же это несерьёзно, – приподнявшись на локтях, покачал головой Шаталов. – Просто не может быть, чтобы вам нравилась эта работа. Сколько вы получаете? Тысяч десять? Двадцать? Да с вашими способностями к креативу, – он обвёл взглядом разгромленную баню, – вы могли бы стать настоящей звездой в Москве. И зарабатывать в десять раз больше. Впрочем, это ваше дело, где гнить. Как вы поняли, в этом месте я не нуждаюсь, но раз оно так важно вам...

Он легко поднялся на ноги и прежде чем выйти, добавил:

– Вы тут полежите, отдохните. А как наотдыхаетесь, жду вас в машине. Извините уж, но добираться в мокром до офиса я вам не позволю. Простудитесь.

Влад вышел из бани, оглядываясь в поисках старушек, которые, ожидаемо, пропали вместе с его айфоном. Ладно, не до китайской же границы они побегут, чтобы сбegrить телефон за бесценку и устроить тем самым разовую прибавку к своей пенсии? Хотя, от заборских бабуль всего можно было ожидать.

Шаталов направился к Порш, на ходу доставая из кармана ключи. Они тоже были – весьма ожидаемо – мокрыми. Но, оказалось, зря он ругал немцев – машина завелась. Айфон, кстати, тоже обнаружился сиротливо лежащим под одним из дворников. И как его ещё не украли?

Вздыхнув, Влад набрал номер одного из приятелей и, дождавшись пока тот возьмёт трубку, ошаршил его:

– Мить, я придумал, как ты отдашь мне долг.

План был довольно прост – сбegrить Мите все имеющиеся в наличии тазы, чтобы облегчить жизнь не только Муринскому, но и Ангеловой в первую очередь. Если она наконец избавится от своей головной боли, у неё будет больше времени на то, чтобы начать перевоспитываться. Коротко обрисовав Мите, что от него требуется, Шаталов закончил беседу:

– Не знаю. Делай с ними что хочешь. Раскатай их бульдозером, переплавь на подарки любовницам, короче, позвонишь в отдел сбыта и купишь всю партию. Остальную часть долга, считай, я тебе простил.

Не дожидаясь ответа, Влад вырубил телефон, откинулся на спинку сидения, включив климат-контроль на максимум, и принялся ждать Ангелову.

Дурой Карина Ангелова не была. Несмотря на то, что так можно было посчитать, зная о месте ее работы, на что явственно намекал господин Шаталов. Впрочем, она и сама надеялась однажды избавиться от этой должности, этого Заборья и этих тазов, но пока не могла себе этого позволить. В вакансиях, которые она нередко просматривала, зарплата предлагалась не многим лучше той, что у нее была сейчас, а заступление на новую должность, вероятнее всего, потребовало бы времени, ибо совсем не факт, что она сумела бы подгадать так, чтобы отработать две недели в Заборье и сразу перейти к новой работе, не потеряв при этом ни единого дня и ни копейки денег. К тому же, Карина не готова была сейчас рисковать с переходом в новую фирму, где у нее могло не заладиться, а здесь, по крайней мере, хоть какой-то оклад она получала. И до тех пор, пока не расплатится с кредитом, вряд ли ей светит новое место, если только не случится какого-нибудь чуда. А в чудеса она уже давно не верила.

Возвращаться в общество Шаталова совсем не хотелось, но, так как Карина все же была достаточно здравомыслящей, отказываться от того, чтобы доехать быстро до работы и не рисковать в мокрой одежде подхватить простуду, а то и чего похуже, она не собиралась. В конце концов, если мистер гений маркетинга устроил этот выезд, сам же пусть и отвозит их всех обратно.

Однако, выйдя из бани и быстро юркнув на заднее сидение Порша, Карина обнаружила, что ее сотрудниц в машине нет. И, едва она села и пристегнулась, Шаталов тронулся с места, не дожидаясь появления Таисии Антоновны и Любви Михайловны. Впрочем, как заметила Карина, айфон был при нем, значит, женщины были здесь, но решили добираться до работы – во всяком случае, она надеялась застать их там – самостоятельно. Что было весьма мудро с их

стороны, учитывая, что положение дел между ней и Шаталовым можно было охарактеризовать как «лес рубят, щепки летят».

К облегчению Карины, ехали они молча. Говорить о чем бы то ни было с человеком, который относился, похоже, свысока ко всем, кому не повезло работать в «нерезиновой», у нее желания не было.

В этот раз она вышла из машины, не сказав Шаталову ни слова, и очень надеялась, что на этом цирк с подменой одного маркетолога другим, завершится. Должно же наконец этому столичному денди надоест валять здесь дурака?..

Как Карина и ожидала, в офисе Шаталов в этот день, как и накануне, не появился. Сотрудники его отдела, однако, находили себе развлечения самостоятельно – например, занимались неотложной игрой в пасьянс и пускали по офису бумажные самолётики, громко радуясь, если эта незатейливая фигня из бумаги улетала дальше, чем на метр.

Наблюдая за этим бардаком, Карина поняла, что вконец теряет терпение. Она уже собиралась позвонить генеральному директору их фирмы Ивану Петровичу Банько, когда телефон на ее столе зазвонил сам.

– Руководитель отдела продаж «Тазикофф» Карина Ангелова слушает.

– Карина Ан... Олеговна? – уточнил мужской голос на другом конце.

«Нет, нас же тут много, Карин Ангеловых», – подумала она с сарказмом, но ответила:

– Да.

– Меня зовут Дмитрий Смирнов, я представитель компании «Фатура-трейд». Мы бы хотели купить у вас все тазы, что находятся на вашем складе.

От такого заявления Карина едва не поперхнулась.

– Все двести тысяч? – уточнила она самым любезным тоном, хотя хотелось смеяться в голос. Откуда вообще взялся этот сумасшедший? А впрочем, она, кажется, об этом догадывалась.

На другом конце молчали почти минуту, потом господин Смирнов осторожно переспросил:

– Двести тысяч?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.